

21.08.2025

Экономика главного сюрприза

Александр Агеев, профессор МГИМО и НИЯУ МИФИ

Самые главные цели и ценности, утверждённые ООН, называются «цели устойчивого развития». Это подразумевает, что человечество имеет 17 общепризнанных ориентиров развития до 2030 года, и что оно рассчитывает на продолжение прогресса в достижении этих целей. Однако продвижение вперёд на этом благотворном пути происходит противоречиво, наталкиваясь на каскад сюрпризов.

Эти сюрпризы можно сгруппировать в две категории: природные и рукотворные. И те, и другие ведут к реализации рисков. Природные сюрпризы — это плохо предсказуемый «гнев Природы»: землетрясения, тайфуны, наводнения, пожары. Экономический ущерб для крупных экономик от таких ЧП достигает 5-7% ВВП ежегодно.

Спектр рукотворных сюрпризов широк. Частично они представляют собой гибридные изделия, такова была, например, недавняя пандемия. Частично они — результат сложных, накопительно действующих событий; таковы все явления, о

которых обычно говорят формулой «всё туже завязывался узел противоречий».

Именно вторая группа сюрпризов будет третировать мировую и национальные экономики в ближайшие 15-20 лет. Проведённое нами ранее прогнозное моделирование мировой динамики, обновляемое ежегодно, показывает, что острый конфликтный фон (сценарий «хаос») снижается к «естественным значениям» только к 2045 году. К этому же сроку значимо падают шансы продления срока годности миропорядка с доминированием одной державы. Мировая экономика завершит период трансформации и технологического базиса, глобальных регуляторов и контуров международного разделения труда. Этот многообразный переход описывается всеми признаками всеобъемлющего «фазового перехода» сложных систем. Самым существенным из этой категории сюрпризов является большая война.


-0.01
-4.00
-1.40
-0.70

Любая модель миропорядка устойчива или дестабилизируется при вполне определённых условиях. Условий потери устойчивости, как минимум, три: 1) неудовлетворенность основных «акторов» существующим порядком; 2) наличие «образа будущего», представляющегося этим «акторам» более привлекательным; 3) понимание пути достижения этого нового миропорядка.

Модель доминирования одной державы перестала удовлетворять основные великие державы современного мира в начале нынешнего века. Но, прежде всего, нарастающее недовольство «глобализацией» формировалось в самой лидирующей державе. 9/11 поэтому до сих пор является «тайной тайн». Независимо от того, кто был реальным организатором и реальным исполнителем этого сложного теракта, сам факт 9/11 отразил кризис концепции развития США и их внешнего позиционирования. Концепт MAGA, который впервые получил политическое оформление в 2016 г. с приходом администрации Д. Трампа, знаменовал неудовлетворённость значительной части правящей элиты и населения моделью глобализации, связанной с чрезмерным оттоком капитала вовне из США и ставшей для них невыгодной.

Ещё в период «Великой депрессии» элиты США выработали модель управляемой кризисной дестабилизации. Она учитывала результаты Первой мировой войны, сделавшие США нетто-кредитором Великобритании и Франции. Однако внутренний баланс интересов в США притормозил тогда их экспансию в Европу и другие регионы мира. «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта исходил из необходимости прекращения «изоляционизма», замены мировой валютно-финансовой гегемонии Великобритании и «либерализации мировой торговли», означавшей в тех условиях ликвидацию колониального контроля множества регионов мира европейскими и японскими метрополиями. Вторая мировая война стала в этом смысле способом реконфигурирования мировой экономической системы на базе утверждения доминирования США, опирающегося, помимо прочего, на ослабление потенциала формальных и противников, и союзников. Такова укоренившаяся «диалектика» стратегии США, приносившая им неоднократно и в XX, и в нынешнем веке выгоды.

Данная логика управляемого обострения международных отношений реализуется в каскадировании санкций, поддержке одной и/или всех сторон локальных конфликтов, форсировании военно-технологической гонки, использовании всего набора методов гиперконкуренции для создания односторонних преимуществ за счёт подрыва действия рыночных механизмов: «ничего личного, только бизнес». Все эти методы предельно ясно зафиксированы в комплексе стратегических документов США, отражены в установках НАТО и других коалиционных структур. Безусловно, внутри коалиции существуют неполные совпадения интересов, но это относится к категории «нюансов».

Так, «нюансом» является состав государств, которым будет отведена роль ударного контингента в запланированных региональных конфликтах в Европе, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, Африке, где разворачиваются наиболее острые напряжения происходящей реконфигурации миропорядка.



Общий объём расходов на оборону в ЕС составил 326 млрд евро в 2024 г. в сравнении с 214 и 147 млрд соответственно в 2021 и в 2013 гг. По итогам 2026 г. совокупные расходы вырастут не менее, чем на 100 млрд евро. Это означает, с

учётом инфляции, их удвоение за пять лет. При этом закупки военной техники, боеприпасов, снаряжения и военного оборудования растут опережающими темпами: с 28 млрд в 2013 до 102 млрд в 2024 гг. В приросте военных расходов на ближайшие два года почти 90% будет направлено на закупки вооружений. Заметно растёт выручка европейских военно-промышленных корпораций, их экспорт и занятость. В 2028 г. совокупная выручка ВПК ЕС достигнет 450 млрд евро. Официальные документы саммитов ЕС и НАТО последних недель зафиксировали основные приоритеты военно-промышленного «пришпоривания»: ПВО, ПРО, дальние высокоточные ракеты и боеприпасы, беспилотники и системы борьбы с беспилотниками, защита критической инфраструктуры, искусственный интеллект, радиоэлектронная борьба и т.д. Военные расходы ЕС в 2028 г. в 4-6 раз превысят уровень 2021 года. США последовательно делегируют Европе финансовое бремя военно-промышленной поддержки Украины и достижения «мира через силу». С 2022 г. ЕС предоставил Украине более 135 млрд евро. Военный бюджет Украины вырос с менее 5 млрд до 49 млрд долларов в 2024, а общее финансирование военных усилий Украины достигло 100 млрд (52% ВВП).

Для России эти тренды создают очевидные вызовы. Прежде всего, экономические. Согласно данным федерального бюджета, в 2025 г. расходы на оборону и национальную безопасность РФ растут параболически и превысят на 80% максимум 2016 года.

При этом зависимость российской экономики от внешней конъюнктуры снижается, что делает санкции для их инициаторов — США и ЕС — всё менее и менее эффективными и что, в свою очередь, провоцирует введение новых «пакетов санкций». При этом важно, что логистика поставок энергоресурсов, продовольствия, критических минералов не находится под полным контролем США и ЕС, а основные покупатели российских нефтегазовых ресурсов (Китай, Индия, Турция) могут себе позволить достаточно автономное поведение.

Доля военных расходов в ВВП России не превосходит нагрузку времён Холодной войны и ниже, чем в США или Израиле. Это не означает, что вызов вынужденной милитаризации может быть легко парирован. Дефицит бюджетов всех уровней в текущем году растёт заметно выше изначальных прогнозов Минфина. Его питают, с одной стороны, сокращение физического объёма экспорта из-за санкций и снижение рублёвой выручки от экспорта, ухудшение ценовой конъюнктуры, с другой стороны — увеличение затрат на оборону, социальные обязательства и антикризисные меры. Тем не менее дефицит бюджета не достигает вполне нормальных, по мировым меркам, 3%, а РФ имеет один из самых низких уровней госдолга в мире. Это обеспечивает существенный финансовый резерв для возможного роста расходов на приоритетные цели в случае усугубления обстановки.

Но ситуация может развиваться по резко негативному сценарию. Развилка определяется будущим масштабом конфликта: он или раунд за раундом эскалирует, или быстро и, возможно, «внезапно» переходит на уровень широкомасштабной войны с НАТО. При этом участие вооруженных сил США во избежание использования обеими сторонами стратегического ядерного оружия будет относительно минимизировано. В этом сценарии событий возникает неизбежность мер, чтобы выдержать нагрузку среднеинтенсивного и затяжного конфликта. Экономическая модель претерпит значительные изменения. Они коснутся всех систем критической инфраструктуры, топливно-энергетического и продовольственного комплексов, финансово-кредитной системы, платформ управления, векторов и форм внешнеэкономического поведения, кадровой политики.

В целом военно-силовой способ перехода к новому миропорядку представляется на сегодняшний момент главным сюрпризом, которого многим хотелось бы избежать и следовать привычным формулам делового успеха. Этот сюрприз себя манифестирует шаг за шагом, сохраняя иллюзию, что авось всё само собой как-то образуется. Сюрпризом, кажущимся сейчас не столько маловероятным, сколько невозможным, могут стать совместные усилия США, Китая и России по принуждению всех чересчур заигравшихся «акторов» к миру.